

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-1-2-41-58

УДК 9. 94

EDN [PMRYBL](#)

**ГОРСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ В XVIII – XXI ВВ.**

Ирина Леонидовна Бабич

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
г. Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>

Babi7chi@yandex.ru,

Аннотация. Цель статьи – проанализировать механизмы формирования горских политических элит на Северном Кавказе в течение XVIII – XXI вв. Автор рассмотрел становление элит до начала действий по включению Северного Кавказа в состав Российской империи, роль ислама в этот период, наличие неформальных лидеров северокавказских общин и обществ, например, уважаемых имамов, «стариков», абреков. До появления российских властей представители высших сословий являлись главами местных (горских) общинных систем власти. Светские лидеры, чья активность опиралась на иные взгляды и идеи, появились под воздействием Российской империи и особенно проявили себя в эмиграции в 1920-1930-е гг. Начальный этап формирования политической культуры горцев Северного Кавказа начался во время имперской модернизации, когда народы в ходе борьбы с российской властью начали создавать методы противодействия российской государственности, идеологии и т.д. В XIX в. активизировалась деятельность мусульманских лидеров во главе с имамом Шамилем и его наибями, которые стремились модернизировать горские общины на основе мусульманского фундамента: права (шариата) и основ мусульманского государства. Происходило вовлечение северокавказских горцев, главным образом, местной военной и мусульманской духовной элиты в общероссийское культурное и политико-правовое пространство. Вторая половина XIX – начало XXI в. – это время наиболее активного формирования новых исламских лидеров на Северном Кавказе. Таким образом, политические лидеры на Северном Кавказе в XVIII – начале XXI в.

формировались двумя путями: со стороны российской власти, и со стороны исламского влияния восточных стран. Политические лидеры 1920-х гг.: исламские лидеры, светские лидеры, лидеры т.н. «повстанческого движения» на Северном Кавказе в 1921–1925 гг. Роль исламских лидеров на ход революционных событий на Северном Кавказе была велика. В 1990-е годы на Северном Кавказе появились как национальные (созданные в период СССР), так и исламские лидеры (появившиеся благодаря влиянию восточных стран), тогда как строго политические лидеры оказались наиболее слабыми.

Ключевые слова: исламские лидеры, горская элита, Российская империя, национальные лидеры, СССР, ислам в 1990-е годы.

Цитирование: Бабич И.Л. Горские политически элиты на Северном Кавказе: основные принципы формирования в XIX – XXI вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2026. Т.18 № 1-2, С41-58 EDN: [PMRYBL](#)
DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-1-2-41-58

Благодарность: Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Original article

MOUNTAIN POLITICAL ELITES IN THE NORTH CAUCASUS: BASIC PRINCIPLES OF FORMATION IN THE 19TH – 21ST CENTURIES

Irina L. Babich,

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia,

<https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>

Babi7chi@yandex.ru,

Abstract. The aim of this article is to study the mechanisms of the formation of mountain political elites in the North Caucasus during the 18th–21st centuries. The author examines the formation of elites prior to the incorporation of the North Caucasus into the Russian Empire, the role of Islam during this period, and the presence of informal leaders of North Caucasian communities and societies (imams, "elders," and abreks). Before the Russian authorities, representatives of the upper classes served as heads of local (mountain) communal systems of power. Secular leaders, whose activities were based on different views and ideas, emerged under the influence of the Russian Empire and particularly distinguished themselves in exile in the 1920s and 1930s. The first

stage of the formation of the political culture of the mountaineers of the North Caucasus began during imperial modernization: people began to develop methods of opposing Russia, ideology, and so on. In the 19th century, the activities of Muslim leaders, led by Imam Shamil and his naibs, intensified. They wanted to modernize mountain communities based on Muslim foundations: law (Sharia) and the principles of a Muslim state. The North Caucasus highlanders, primarily the local military and Muslim spiritual elite, were drawn into the pan-Russian cultural, political, and legal space. The second half of the 19th and early 21st centuries saw the most active formation of new Islamic leaders in the North Caucasus. Thus, political leaders in the North Caucasus from the 18th to the early 21st centuries were formed in two ways: by Russian authorities and by Islamic influence from Eastern countries. Political leaders of the 1920s: Islamic leaders, secular leaders, and leaders of the so-called "insurgency" in the North Caucasus from 1921 to 1925. The role of Islamic leaders in the course of revolutionary events in the North Caucasus was significant. In the 1990s, both national (created during the Soviet period) and Islamic leaders (the influence of Eastern countries) emerged in the North Caucasus, while strictly political leaders proved weaker.

Keywords: Islamic leaders, mountain elite, Russian Empire, national leaders, USSR, Islam in the 1990s.

For citation: Babich I.L. Mountain political elites in the North Caucasus: basic principles of formation in the 19th – 21st centuries. Historical and social-educational Idea. 2026. T.18. No 1-2, P..41-58 (In Russ.). EDN: [PMRYBL](#)
DOI: 10.17748/2219-6048-2026-18-1-2-41-58

Acknowledgement: *Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.*

Введение

Горские политические элиты на Северном Кавказе – важная часть общества в разные исторические периоды. Их формирование шло разными путями в течение XVIII – XX вв. В предлагаемой статье мы рассмотрим основные механизмы становления горских элит на протяжении нескольких веков на Северном Кавказе. Безусловно, отдельными историческими периодами по интересующей нас теме кавказоведы занимались плодотворно: есть ряд работ о политических лидерах отдельных исторических периодов [1,2]. Так, о роли горской интеллигенции в 1917–1918 гг. писал А.Г. Кажаров [3], о роли лидеров в Конфедерации народов Кавказа в постсоветское время Ю.П. Шабаев [4]. Историография выде-

ленного нами вопроса представлена в статье В.Б. Лобанова «Политическая элита Северного Кавказа» [5]. Однако чаще исследователи изучали сами общественно-политические движения без роли и анализа собственно механизма становления политических лидеров, как таковых; механизма их формирования (А.В. Кушхабиев) [6]. В целом, горские политические элиты на протяжении нескольких веков не были до сих пор объектом научного исследования.

Основные результаты

XVIII – начало XX вв. До начала действий по включению Северного Кавказа в состав Российской империи в течение нескольких веков лидеры региона формировались на основе ислама, исламской идеологии, деятельности исламских руководителей (имамов) на Северном Кавказе, с одной стороны, а с другой, на основе неформальных лидеров северокавказских общин и обществ, например, уважаемых имамов, «стариков», абреков. Общества, управляемые обычным правом (адатом), имели своих авторитетных судей, которые могли быть посредниками при регулировании сложных и конфликтных ситуаций среди горцев. У народов Северного Кавказа не было своих государств, и, соответственно, атрибутов государства, т.е. институтов управления и права [7-8]. Горские общины имели развитую потестарно-правовую культуру с институтами общинного самоуправления, адатного судопроизводства, иерархической системы власти. Так, у кабардинцев функционировали Адыгская Хаса и Съезды доверенных кабардинцев и балкарцев [9]. Члены Хасы и съездов доверенных – это были настоящие общественные лидеры. Были и мусульманские черты в горских общинах: авторитет муфтиев, брачные традиции и нормы мусульманского наследования. Тем не менее, строго говоря, политических лидеров и сформированной политической идеологии, т.е. представлений лидеров о развитии государственности в регионе не было.

До появления российских властей представители высших сословий являлись главами местных (горских) общинных систем власти. Взаимодействие российской власти и местной элиты началось задолго до включения Северного Кавказа в состав Российской империи. Еще во второй половине XVI в. Иван Грозный ввел институт официального пожалования царем «начальных» и «больших» князей Кабарды. Этот метод российского руководства должен был начать формирование пророссийского слоя горской элиты на Северном Кавказе. Позже был введен и институт аманатства, когда кабардинские князья выезжали на службу в Россию, одновременно получали там образование и занимали высокое социальное положение.

Начальный этап формирования политической культуры горцев Северного Кавказа начался во время имперской модернизации, когда народы в ходе борьбы с российской властью начали создавать методы противодействия российской

государственности, идеологии и т.д. Горцы задумались, какое государство они хотят. В XIX в. активизировалась деятельность мусульманских лидеров во главе с имамом Шамилем и его наибами, которые стремились модернизировать горские общины на основе мусульманского фундамента: права (шариата) и основ мусульманского государства.

С другой стороны, общественно-политическое и культурное развитие Северного Кавказа на протяжении XIX в. в немалой степени определялось вовлечением северокавказских горцев, главным образом местной военной и мусульманской духовной элиты в общероссийское культурное и политико-правовое пространство. Российское правительство вело целенаправленную политику по формированию среди горцев имперской идентичности и сознания. Инструментами деятельности Российской империи в этом направлении стали разные сферы горской жизни: 1) военная; 2) административно-управленческая; 3) судебная; 4) земельные и сословные отношения; 5) образовательная; 6) религиозная; 7) культурная. Наряду с созданием трех уровней государственного аппарата на Кавказе российские власти применяли и другие методы для процесса государственного строительства в регионе, а именно: формирование ряда государственных мер по социализации населения Северного Кавказа, по созданию нового поколения российских граждан.

Военное и гражданское руководство Российской империи осознавало, что процесс социализации местного населения был невозможен без установления плотного взаимодействия между ними и народами, населяющими Северный Кавказ вообще, и местными элитами в частности. Именно на горскую элиту, прежде всего, обратило свое внимание российское руководство. Привлечение их на российскую сторону автоматически означало привлечение на свою сторону основной массы горского населения региона. Князья, уздени и мусульманское духовенство, как правило, являлись руководителями или инициаторами национально-политических движений на Северном Кавказе «антироссийского» характера, поэтому нейтрализация местной элиты была важным фактором формирования «миролюбивого» процесса государственного строительства в регионе. Следует заметить, что привилегированные сословия были не во всех горских обществах, а лишь в т.н. «аристократических», т.е. в тех, где имелась сословная иерархия, где было сословие общинников и высшее сословие, состоявшее из князей, узденей первой, второй и третьей степеней, которые принадлежали к высшему сословию по праву рождения или по праву получения данного статуса за службу.

Работу с горской элитой еще в конце XVIII в. проводил первый наместник Кавказа генерал П.С. Потемкин. Он предложил осуществлять контроль и руководство регионом именно через привилегированные сословия горцев. В нормативном акте – Рескрипте Императрицы Екатерины II на имя князя Г.А. Потемкина (26.08.1786 г.) «О содержании войск из горских народов», направленном на

«приближение горских народов к Российской империи», определялись правила организации войск из горских народов, что «будет служить к утверждению их в верности и привязанности к нам». Для достижения поставленной цели Екатерина II повелела: «От Большой Кабарды должно было быть шесть сотен, при них князей – двенадцать, узденей – двадцать четыре. От Малой Кабарды – три сотни, при них шесть князей и двенадцать узденей. Всем им определялось различное жалование» хь[10].

На данном этапе государственного строительства на Северном Кавказе этого не удалось сделать, поскольку в указанный период в Чечне началось радикальное мусульманское движение шейха Мансура, которое было поддержано горскими народами Северного Кавказа [11]. Шейх Мансур, Ушурма – все это известные и крупные лидеры горской элиты прошлых веков, умевшие повести за собой определенное количество горцев.

Во второй половине XIX – начале XX в. продолжалось активное включение горцев на должности государственной или военной службы. Военное руководство на Северном Кавказе стало создавать своего рода «военный фундамент», опираясь на местную горскую элиту. Представители высших привилегированных сословий активно поступали на службу в российскую армию, создавая тем самым новое «российско-горское военное сословие» [12]. Российские военные власти жестко увязали получение горцами Северного Кавказа дворянских привилегий с наличием военной или государственной службы. В результате горцы стали стремиться устраиваться на российскую службу, поскольку это был единственный путь сохранения или получения каких бы ни было привилегированных прав. Так, к середине XIX в. представители всех балкарских владельческих фамилий находились на российской службе. В первой половине XIX столетия для горцев военная служба была более престижной, чем гражданская. Иногда (как это имело место с должностями приставов) местная знать стремилась совмещать военную службу и гражданские должности. Как правило, военными становились представители высших горских сословий, не имевшие специального военного образования, производившиеся в офицерские чины русской армии, прежде всего для поощрения. Впоследствии дети этой первой волны горских военных получали специальное военное образование и воспитание в российских учебных заведениях. Горцы служили как в русской армии, так и в созданных специально для них военных подразделениях. Формирование местных военных подразделений стало одним из ключевых аспектов государственного строительства на Северном Кавказе (Кавказско-горский полуэскадрон (Анапа, 1828 г.), позднее переименованный в Кавказско-горский полк, Отдельный Кавказский корпус, конно-мусульманский полк, Терская постоянная милиция (1865 г.), Терско-Горский конно-иррегулярный полк (1860-е гг.), который имел этнические деления: был ингушский, осетинский, кабардино-кумыкский, дагестанский, чеченский полки и т.д.

Во второй половине XIX в. наблюдалось увеличение численности доли коренного населения во введенных Россией новых административно-управленческих структурах. В этот период многие горцы высших сословий стремились получить должность, как в центральных, так и в региональных (местных) административных органах управления. Престижными должностями были места начальника округа, участка, старшины в сельском управлении. Основными требованиями со стороны российской администрации было знание русского языка и лояльное отношение к России. Тем, кто хотел делать крупную карьеру в российских государственных или военных структурах, особенно центральных, негласно ставилось и другое условие – принятие православия. Некоторые горцы соглашались на это; к примеру, балкарец Умар Шакманов, служивший в русской армии, был крещен. По-прежнему горцы совмещали военные и гражданские должности. Так, кабардинский князь, полковник Султанбек Клишбиев в течение ряда лет занимал должность Начальника Нальчикского округа (1910–1917 гг.) Многие горцы, получившие высшее образование на юридическом факультете С.-Петербургского университета, на Северном Кавказе занимали должность юристконсультов, которая была введена не только во всех Горских словесных судах Северного Кавказа, но и в органах власти и управления. Например, балкарский таубий Басият Шаханов работал юристконсультom при Съезде доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, который проводился периодически с 1890 по 1910-е гг. Кабардинский уздень Магомет-Гирей Шипшев работал юристконсультom при Горском Словесном суде Нальчикского округа (1910–1914 гг.). Должности сельских старшин горцы получали не путем назначения, а через систему двухступенчатых выборов, результаты которых утверждались окружной администрацией. В силу этого, как правило, именно российские чиновники сами предлагали общинам те кандидатуры, которые они готовы были утвердить.

После завоевания Северного Кавказа процесс формирования политической культуры на основе ислама во многом затих. Политическая активность горцев начала проявляться лишь в начале XX в. опять-таки в религиозной форме во время проведения мусульманских съездов и деятельности членов мусульманской фракции Государственной Думы I-IV созывов, которые стремились модернизировать жизнь горцев в регионе на основе ислама.

В начале XX в. в двух российских регионах – Крыму и Поволжье – стали развиваться исламские радикальные идеи. Лидером крымской модернизации стал Исмаил-бей Гаспринский (1851–1914). В основу модернизации российского ислама И. Гаспринским была положена идея реформирования исламского образования [13]. Одновременно с крымским исламским движением развивалось и движение в Поволжье.

Одним из инициаторов модернизации исламской жизни, например, в Кабарде стал Н. Цагов, родившийся в 1883 г. в Сирии в семье адыгов, переселив-

шихся на Ближний Восток в 1860-е годы. Цагов окончил исламский факультет Стамбульского университета, работал в Черкесском благотворительном обществе. Местные исламские лидеры собрали библиотеки, в которых были книги из Турции на арабском или староосманском языках, из Египта. Многие мусульмане, в частности, кабардинский эфенди Исмел Купов и др., получали издаваемую И. Гаспринским в Бахчисарае газету «Терджиман», в которой он пропагандировали свои идеи. Дагестан к началу XX в. стал крупным исламским центром на всем Северном Кавказе, в том числе и по изданию исламской литературы (Темирхан-Шура).

В Кабарде появилось так называемое баксанское культурное движение, лидерами которого стали Н. Цагов, А. Дымов, М. Гугов. Были и балкарские исламские идеологи, поддерживающие джадидизм (направление в модернизации ислама на основе просветительства): это И. Эфендиев, С. Чабдаров, А. Энеев, Ю. Ахметов, Д. Шаваев. А. Дымов создал в Баксане т.н. новометодное медресе, в котором преподавали по новой методике: обучение азбуке родного языка, преподавание научных дисциплин на кабардинском языке, изучение кабардинского и арабского языков, истории мусульманских стран, истории адыгов и др. светских предметов.

Несмотря на поражение Шамиля, во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в. периодически возникали различные радикальные течения. Северокавказский суфизм XIX в. имел в своей основе учение суфия Беха ад-дина Накшбенда, жившего в XIV в. в Бухаре. После русско-кавказской войны, когда приверженцы имама Шамиля вернулись к относительно мирной жизни, суфийские алимы не прекратили свою миссионерскую деятельность. В 1860–1880-е годы на Кавказе значительную роль начали играть секты и их лидеры: шейхи Батыл-хаджи, Кунта-хаджи, Хаджи-Али-баба. Появилась и отличительная особенность чеченских суфиев – практика зикра (исламская практика, включающая многократное, ритмичное произнесение молитв). В Дагестане в это время проповедовал тарикатист Мугеддин (последователь суфийского ордена – тариката) [10].

В начале XX в. закавказские мусульмане во главе с А.М. Топчибашевым активизировали свою деятельность в модернизации ислама на Кавказе. Али Мардан Топчибашев – крупнейший политический лидер в Российской империи и эмиграции во Франции. С одной стороны, он организовал мусульманскую фракцию в Первой государственной Думе в 1906 г., а с другой, именно он был инициатором проведения в начале XX в. исламских съездов в России. Для нас важно понять, в какой степени в этих двух активностях принимали участие северокавказские политические лидеры. А.М. Топчибашев со своей стороны всеми силами стремился внедрить северокавказских лидеров в эти движения, тем не менее, как нам представляется, были единицы, которые начали участвовать в этом. Так, в 1906 г. в Санкт-Петербурге состоялся съезд мусульман России, на

котором кроме А.М. Топчибашева были приглашены и северокавказские мусульмане: депутат Первой Государственной Думы М. Далгат (от Терской области), Д.Б. Дамбеков (от Дагестанской области), а также другие северокавказцы: М. Абаев, А. Казанок, Т. Тарковский.

Вторая половина XIX– начало XX в. – это время наиболее активного формирования новых исламских лидеров на Северном Кавказе. Таким образом, политические лидеры на Северном Кавказе в XVIII – начале XX в. формировались двумя путями: со стороны российской власти, и со стороны исламского влияния восточных стран.

1920-30-е годы. Октябрьская революция 1917 г. предоставила народам Северного Кавказа возможность начать свое государственное развитие в той форме, в какой они хотели [14]. Политические лидеры этого времени: исламские лидеры, светские лидеры, лидеры т.н. «повстанческого движения» на Северном Кавказе в 1921–1925 гг. Роль исламских лидеров на ход революционных событий на Северном Кавказе была велика [15]. После свержения монархии в России именно исламисты (т.н. «шариатисты») Северного Кавказа боролись за власть с местными либералами. На первом горском съезде в мае 1917 г. был создан муфтият Северного Кавказа, во главе которого стал аварский богослов Нажмуддин Гоцинский [5]. Была образована Горская шариатская республика – Союз объединенных горцев Кавказа, избрано правительство и Духовный совет во главе с муфтием Н. Гоцинским [16-17]. В сентябре 1919 г. был создан Северо-Кавказский эмират во главе мусульманским лидером Узун-Хаджи Салтинским, который ориентировался на Османскую империю с центром в Ведено [5, 18].

По инициативе советского руководства в конце 1920 г. была создана Горской АССР (до 1924 г.). «Горская АССР была провозглашена на съезде народов Терской области 17 ноября 1920 года. Выступая на съезде, нарком по делам национальностей РСФСР И.В. Сталин объяснил необходимость её создания целесообразностью отделения массы казаков от масс горцев. Он заявил, что у каждого народа, у чеченцев, у ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, а также у оставшихся на автономной горской территории казаков должен быть национальный Совет, управляющий делами соответствующих народов применительно к быту и особенностям последних. Созданием Горской АССР советское руководство стремилось избежать межнациональных конфликтов между горцами и казаками, обеспечить политическую лояльность северокавказских народов, их вовлечение в общее советское русло. Смысл создания автономии связывался именно с тем, чтобы она втянула горцев в управление их страной. В заключительном слове И.В. Сталин признал: «Здесь у вас слишком мало местных людей, умеющих управлять своим народом. Вот почему в учреждениях Продкома, ЧК, Особого отдела, народного хозяйства работают русские, не знающие вашего быта и языка. Необходимо, чтобы ваши люди вовлекались во все области управления страной. Та автономия, о которой здесь говорится, понима-

ется так, чтобы во всех органах управления стояли ваши люди, знающие ваш язык, ваш быт». Из сказанного можно сделать вывод, что наркомат по делам национальностей, ВЦИК РСФСР сыграл решающую роль в вопросе о создании Горской АССР, её устройстве, наметил дальнейшие тенденции строительства и развития новой автономной республики и важность участия самих горских народов в её управлении» [19]. Таким образом, была сделан акцент на формирование корпуса местных политических лидеров, способных управлять народами Северного Кавказа. Первым председателем ЦИК республики стал Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов (1870-1934), вторым - Идрис Бейсултанович Зязиков (1896-1938) [19]. Историки выдвигают разные причины ликвидации Горской республики в 1924 г. [20].

Отметим, что многие горцы, сформировавшиеся еще в начале XX в. благодаря российскому образованию (большинство из них стали юристами), стали активными политическими деятелями в советской России в 1920-е гг. Приведем фамилии некоторых из них: А.А. Намитоков был членом Кубанской рады, министром юстиции Кубанского правительства (1917-1919 гг.), М.Л. Абуков был участником создания Временного ЦК объединенных горцев (март 1917), председателем Кисловодского горско-мусульманского комитета, членом Нальчикского окружного исполнительного комитета, членом Президиума Первого горского съезда черкесов и карачаевцев Кубанской области (март 1917), членом Президиума Первого областного съезда делегатов Терской области, участник съездов народов Терека; Г.Н. Баммат стал чиновником для особых поручений при канцелярии Наместника Кавказского (Тифлис, 1912–1917), губернским секретарем. Он принимал активное участие в революционных событиях (1917), стал председателем Мусульманского комитета (1917, Тифлис), членом Объединенного правительства Юго-Восточного Союза (1917), одним из руководителей Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана (1918). Баммат 11 марта 1918 подписал декларацию о независимости Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. Он стал министром иностранных дел Горской республики (с 1918); М.Х. Гагагогу - участник Первого свободного съезда представителей горских народов Кубанской области и Черноморской губернии (1917), заместитель председателя Кубанской законодательной рады (1919); П.Т. Коцев был членом Кубанской законодательной рады (1918), министр внутренних дел Горской республики (май 1918), председателем Правительства Горской республики (декабрь 1918–1919); М.М. Суншев - член (а затем и председатель) Кабардино-Балкарского национального совета (1918–1919); Т.К. Шакманов - председатель Кабардинского национального комитета), А.Т. Цаликов - глава Народного совета Терского края, глава Мусульманского совета (1917).

Все эти деятели оказались со временем в эмиграции, где они продолжили свою политическую деятельность. Далеко не все, кто занялся политикой в эмиграции, до революции также занимались политической деятельностью. Многие

из них работали чиновниками, инженерами, врачами и т.д. Единицы пришли в политику в эмиграции из медицины, таким был Измаил Магомедович Шаков. Он родился в Кабарде, в ауле Кучмазукино 19 апреля 1878 г. в семье узденя. Еще в Российской империи он стал одним из первых дипломированных врачей-северокавказцев, получил многолетнюю медицинскую практику и основал свою клинику. И.И. Гайдаров окончил Институт инженеров путей сообщения. Член III государственной Думы от Дагестанской области. В 1917 г. член Центрального комитета Союза объединенных горцев, комиссар Дагестанской области. Министр почты и телеграфа Горской республики. А.-Н. Магомаев окончил реальное училище в Темир-Хан-Шуре. Комиссар Андийского округа при правительстве республики (1918). Председатель Андийского окружного Национального совета. Но большинство политических лидеров сформировалось из военного сословия, причем некоторые дослужились до военных высот, некоторые – нет: М.М. Куриев был полковником Ингушского полка. Член Союзного парламента (1917–1918). Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. К.Н. Хагондоков - генерал-майор (1915): командир бригады Кавказской туземной дивизии, военный губернатор Амурской области, 1916) Георгиевский кавалер (орден св. Георгия 4-й ст., золотое георгиевское оружие). В.С. Билатти учился в военное училище в Екатеринодаре. Р.А. Джанбеков - младший лейтенант (прапорщик) Российской армии; Д. Дзанти окончил Оренбургский графа Неплюева кадетский корпус, Ораниенбауманскую офицерскую школу пулеметчиков (1916). Участник Первой мировой и Гражданской войн; С.С. Тукаев учился во Владикавказском кадетском корпусе. Служил в грузинской армии (1918); Л.Ф. Бичерахов - генерал-лейтенант. Терский казак. Окончил Алексеевское военное училище. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Георгиевский кавалер. Инициатор создания Кавказско-Каспийского Союза для восстановления российской государственности на Северном Кавказе вообще, и в Дагестане, в частности (1918). Руководитель Кавказско-Каспийского правительства; М.Н. Абациев - подпоручик. Окончил Воронежский кадетский корпус и Павловское военное училище. Офицер Осетинского полкового дивизиона. Участник Первой мировой войны; Ф.Н. Бекович-Черкасский - генерал-майор. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище, офицерскую кавалерийскую школу. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Командир Кабардинской сотни в Терско-Кубанском полку. Георгиевский кавалер. Правитель Кабарды (1919); А.М. Аварский окончил военную кавалерийскую школу (1915-1916). Лейтенант. Служил во 2-м кавалерийском полку Кавказской конной туземной дивизии. Офицер, Георгиевский кавалер. Участник Корниловского мятежа в Петербурге (1917); А.М. Чермоев окончил Николаевского кавалерийское училище, был участником Первой мировой войны, служил в лейб-гвардии Собственного Его Величества конное. В 1901 г. дослужился до штабс-ротмистра Чеченского конного полка «Дикой» дивизии. Он стал председателем

Центрального Комитета Союза объединенных горцев Северного Кавказа (1917 г.), премьер-министром Горской республики (1918 г.) [21].

Многие находились на гражданской службе в Российской империи, например, братья Джабагиевы были высокообразованными представителями ингушской интеллигенции: старший окончил Рижский политехнический институт, младший – университет в Германии. Оба сделали отличные карьеры в Российской империи, находясь на государственной службе.

Северокавказцы, которые проявляли политическую активность в эмиграции, сделали колоссальный рывок в области становления северокавказской политической культуры. Политическая элита Северного Кавказа поняла, что для успешного развития региона необходимо объединяться с более сильными кавказскими государствами, и прежде всего с Азербайджаном. В 1920-30-е годы во Франции было многое сделано в этом направлении, вплоть до создания Пакта о Кавказской конфедерации (1934 г.).

Во-вторых, северокавказские деятели впервые не ограничивались вопросами исламской модернизацией горских обществ. Объединение кавказских народов, среди которых были и христиане (грузины, осетины, армяне), вынуждало северокавказских лидеров развивать политическую мысль в деле государственного строительства вне исламского фундамента, несмотря на то, что он по-прежнему оставался важной составляющей их сознания даже в эмиграции.

В-третьих, северокавказские лидеры, тесно общаясь в эмиграции с политическими лидерами Грузии, Армении, Азербайджана и России, оказались на таком уровне, на котором они не были бы, если оставались у себя на Родине. Безусловно, эта общественная деятельность северокавказских горцев в значительной мере помогла развиваться политической мысли и становлению новой волны политических деятелей на Северном Кавказе, которое происходило в эмиграции. Тем не менее политические деятели Северного Кавказа не могли преодолеть свои национальные ограничения, часто противопоставляя народы Северного Кавказа друг против друга, вместо того, чтобы разработать идеи их более тесного объединения. Это приводило к различным конфликтам внутри политического северокавказского сообщества в эмиграции.

Современность, 1990–2000-е гг. В 1990-е годы на Северном Кавказе начались новые общественно-политические движения, которые стремились изменить ситуацию в регионе после советских застойных лет. Появились новые политические лидеры. В начале 1990-х гг. на Северном Кавказе развивались национальные движения, в основе которых был рост национализма, борьба за самостоятельность, в том числе экономическую и главное – государственную. Ю.П. Шаббаев подчеркивал, что «на рубеже 1980-1990-х гг. в России возникло большое количество различных этнических и этнополитических организаций, призванных представлять интересы разных этнических групп. Многие из них стремились стать политическими акторами на уровне своих регионов, однако только некото-

рые смогли реально влиять на местную власть и принимаемые ею решения. Этот факт повлиял на то, что уже во второй половине 1990-х гг. последовали кризис этнонациональных движений и организаций и резкое падение их общественного влияния, а многие этнополитические объединения фактически прекратили свое существование» [4]. Важно отметить, что лидерами этих движений, в основном, стали либо национальные лидеры, т.е. лидеры общественных национальных движений, либо исламские лидеры, главным образом молодые мусульмане, которые боролись за власть в регионе с авторитетом и статусом «государственно одобренных» имамов и муфтиев старшего поколения и одновременно с теми народными традициями, которые признавали «советские» имамы. Что же это были за лидеры? Руководителями национальных движений стала «советская» интеллигенция, воспитанная главным образом в научной среде и кругах, а также «советские» военные и чиновники, сделавшие отличные карьеры в 1960-1980-е гг. Так, лидерами Национального Совета Балкарского Народа» были: чиновник Борис Касимович Чабдаров (1991-1992), генерал С.У. Беппаев (1993-1996), лидерами исламских движений – молодежь, получившая исламское образование в восточных странах в 1990-е годы и впитавшая идеи вахаббизма.

Вначале в 1990-х годах свою деятельность развернули именно национальные лидеры. Так, в Кабардино-Балкарии с 1991 по 1996 гг. шла борьба между кабардинскими и балкарскими национальными лидерами [22]. В 2000-е гг. активизировалась исламские лидеры практически во всех республиках Северного Кавказа. Особенно в Дагестане: Исламская партия Дагестана под руководством С. Асиятилова, Исламская партия России под руководством дагестанца С. Раджабова. Их требования были связаны с изменением статуса ислама как религии в стране, борьба с кавказскими традициями, которые противоречили исламским догмам, и расширение сферы шариата как правовой системы. И наконец, идеи создания исламского государства.

Наряду с национальными и исламскими движениями на Северном Кавказе появились и сугубо политические структуры. Так, в Кабардино-Балкарии возникли: «Демократическая партия в КБР», «Республиканская партия Кабардино-Балкарии», «Коммунистическая трудовая партия КБР». Они стремились в политической борьбе за политические ценности, однако организовать эту борьбу они не сумели. По сути, в то время лидеры кабардинского и балкарского национальных движений были реальной политической силой. Соотношение национальных и политических лидеров на Северном Кавказе всегда было в пользу национальных, так как в основе политической борьбы лежал лишь национализм. Подняться выше национализма лидеры не могли. У исламских лидеров это получалось лучше: они прежде всего считали себя мусульманами, и лишь затем представителями своего народа. Но в 2001-2005 г. началась активная борьба властей с исламскими лидерами и их движениями, что значительно ослабило их [22].

Заключение

Итак, на протяжении нескольких веков на Северном Кавказе наиболее активными были исламские лидеры, чья деятельность была основана на исламских ценностях и идеологии. Светские лидеры, чья активность опиралась на иные взгляды и идеи, появились под воздействием Российской империи и особенно проявили себя в эмиграции в 1920-1930-е гг. В 1990-е годы на Северном Кавказе сформировались новые лидеры: национальные (созданные в период СССР на основе научной интеллигенции), так и исламские лидеры (появившиеся благодаря влиянию восточных стран), тогда как строго политические лидеры оказались наиболее слабым звеном в политической жизни 1990-2000-х гг. Особенности трансформации элит на Северном Кавказе важно понимать в контексте формирования таковых на Южном Кавказе и характере их взаимодействия [23].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабич И.Л. Особенности формирования северокавказской политической элиты в эмиграции (1920–1930-е гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: история, регионоведение, международные отношения. – 2023. – Т.28. – № 5. – С. 148-159.
2. Гичибекова Р.М. Роль мусульманской элиты в народно-освободительной борьбе народов Северного Кавказа 20–50-х гг. XIX века // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 710-714.
3. Кажаров А.Г. Горская интеллигенция об этнополитических процессах на Северном Кавказе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: регионоведение, философия, история. – 2017. – № 4. – С. 100-110.
4. Шабаев Ю.П. Этнокультурные ассоциации как политические акторы // Политическая экспертиза: политэкс. – 2019. – Т.15. – № 4. – С. 497-510.
5. Лобанов В.Б. Политическая элита Северного Кавказа в годы революции и гражданской войны: планы и реализация политических концепций // Кавказология. – 2023. – № 1. – С. 70-78.
6. Кушхабиев А.В. Становление кабардинского национального движения (1985–1991) // Кавказология. – 2020. – № 1. – С. 163-201.
7. Албогачиева М.С.-Г., Бабич И.Л. Кровная месть в современной Ингушетии // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 6. – С. 133-140.
8. Бабич И.Л. Месть в пореформенном адыгском обществе // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Ростов н/Д, 1999. – С. 220-249.
9. Прасолов Д.Н. Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 2020. – 240 с.

10. Северный Кавказ в составе России. – М., 2007. – 420 с.
11. Ахмадов Ш.Б. Народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Мансура в 1785–1791 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ростов н/Д, 1992. – 41 с.
12. Бабич И.Л. Деятельность российского государства по включению горцев северного Кавказа в общероссийское культурное пространство в конце XVIII – начале XX века // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 4. – С. 41-49.
13. Бабич И.Л. Мусульманская жизнь горцев в контексте религиозной политики России на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 1. – С. 71-80.
14. Бугай Н.Ф., Бушуева Т.С. 1920-е годы. Образование Союза СССР: конститутивность политики межэтнических отношений в новом формате // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2021. – Т.13. – № 4. – С. 16-36.
15. Сулаев И.Х. Революция и гражданская война в восприятии и деяниях мусульманского духовенства Дагестана (1917–1921 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2. – С. 463-487.
16. Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Отечественная история. – 2004. – № 3. – С. 160-161.
17. Доного М.М. Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2008. – 48 с.
18. Нахибашев М.З. Узун-Хаджи Салтинский – общественно-политический и религиозный деятель Дагестана и Чечни: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала. – 26 с.
19. Туаев А.Ю., Краснокутская Л.И. Горская АССР как поиск решения национально-государственных проблем в РСФСР (1921–1924) // Актуальные проблемы гуманитарного знания: прошлое и современность. – М., 2023. – С. 30-31.
20. Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.). – Владикавказ, 2003. – 210 с.
21. Бабич И.Л., Гладкова Т.Л., Мнухин Л.А. Северокавказцы в эмиграции в XX веке. – Москва-Берлин, 2020. – 297 с.
22. Бабич И.Л. Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии. – М., 1993. – Т. 45. – 20 с.
23. Рубаев А.В., Никонов О.А. Эволюция политических элит в странах Закавказья: историко-политический аспект. К вопросу о путях формирования, рекрутирования и функционирования политических элит в Армении, Азербайджане и Грузии // Свободная мысль. – 2026. – № 1 (1715). – С. 79-85.

REFERENCES

1. Babich I.L. Osobennosti formirovaniya severokavkazskoy politicheskoy elity v emigratsii (1920-1930-ye gg.) [Features of the Formation of the North Caucasian Political Elite in Exile (1920-1930s)] Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History, Regional Studies, International Relations. 2023. Vol. 28. No. 5. pp. 148-159. (in Russ).
2. Gichibekova R.M. Rol' musul'manskoj elity v narodno-osvoboditel'noy bor'be narodov Severnogo Kavkaza 20-50-kh gg. XIX veka [Role of the Muslim Elite in the National Liberation Struggle of the Peoples of the North Caucasus in the 1820s-1850s] Modern Problems of Science and Education. 2014. No. 5. pp. 170-174. (in Russ).
3. Kazharov A.G. Gorskaya intelligentsiya ob etnopoliticheskikh protsessakh na Severnom Kavkaze [Mountain Intelligentsia on Ethnopolitical Processes in the North Caucasus] Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional Studies, Philosophy, History. 2017. No. 4, pp. 100-110. (in Russ).
4. Shabaev Yu.P. Etnokul'turnyye assotsiatsii kak politicheskiye aktory // Politicheskaya ekspertiza: politeks [Ethnocultural associations as political actors] Political examination: politeks. 2019. Vol. 15. No. 4. pp. 497-510. (in Russ).
5. Lobanov V.B. Politicheskaya elita Severnogo Kavkaza v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny: pla-ny i realizatsiya politicheskikh kontseptsiy [The political elite of the North Caucasus during the revolution and civil war: plans and implementation of political concepts] Kavkazology. 2023. No. 1. pp. 70-78. (in Russ).
6. Kushkhabiev A.V. Stanovleniye kabardinskogo natsional'nogo dvizheniya (1985-1991) [Formation of the Kabardian national movement (1985-1991)] Kavkazology. 2020. No. 1. pp. 163-201. (in Russ).
7. Albogachieva M.S-G., Babich I.L. Krovnaya mest' v sovremennoy Ingushetii [Blood feud in modern Ingushetia] Ethnographic review. 2010. No. 6, pp. 133-140. (in Russ).
8. Babich I.L. Mest' v poreformennom adygskom obshchestve [Revenge in the Post-Reform Adyghe Society] Customary Law in Russia: Problems of Theory, History, and Practice. Rostov-on-Don, 1999. pp. 220-249. (in Russ).
9. Prasolov D.N. S"yezdy doverennykh v politicheskoy kul'ture kabardintsev i balkartsev [Congresses of Trusted Political Culture Representatives of the Kabardians and Balkars]. Nalchik, 2020. 240 p. (in Russ).
10. Severnyy Kavkaz v sostave Rossii [The North Caucasus as Part of Russia]. Moscow, 2007. 420 p. (in Russ).
11. Akhmadov Sh.B. Narodno-osvoboditel'noye dvizheniye gortsev Severnogo Kavkaza pod predvoditel'-stvom Mansura v 1785-1791 gg. [The People's Liberation Movement of the Highlanders of the North Caucasus Led by

- Mansur in 1785-1791]. Abstract of a Doctor of History. Rostov-on-Don, 1992. 41 p. (in Russ).
12. Babich I.L. Deyatel'nost' rossiyskogo gosudarstva po vklyucheniyu gortsev severnogo Kavkaza v obshche-rossiyskoye kul'turnoye prostranstvo v kontse khviii – nachale khkh veka [The activities of the Russian state to include the highlanders of the North Caucasus in the pan-Russian cultural space in the late 18th – early 20th centuries] Scientific Thought of the Caucasus. 2008, No. 4, pp. 41-49. (in Russ).
 13. Babich I.L. Babich I.L. Musul'manskaya zhizn' gortsev v kontekste religioznoy politiki rossii na severnom Kavkaze v XIX– nachale XX vv. [Muslim life of the highlanders in the context of Russia's religious policy in the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries] Scientific Thought of the Caucasus. 2009, No. 1, pp. 71-80. (in Russ).
 14. Bugay N.F., Bushueva T.S. 1920-ye gody. Obrazovaniye Soyuza SSSR: konstitutivnost' politiki me-zhethnicheskikh otnosheniy v novom formate [The 1920s. Formation of the Union of the USSR: the constitutiveness of the policy of interethnic relations in a new format]. Historical and socio-educational thought. 2021. Vol. 13. No. 4. pp. 16-36. (in Russ).
 15. Sulaev I.Kh. Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v vospriyatii i deyaniyakh musul'manskogo dukhovenstva Dagestana (1917-1921 gg.) [Revolution and Civil War in the Perceptions and Actions of the Muslim Clergy of Dagestan (1917-1921)]. State, Religion, and Church in Russia and Abroad. 2019. No. 1-2. pp. 463-487. (in Russ).
 16. Zhupikova E.F. Povstancheskiye dvizheniya na Severnom Kavkaze v 1920-1925 godakh [Insurgent Movement in the North Caucasus in 1920-1925]. Domestic History. 2004. No. 3. pp. 160-161. (in Russ).
 17. Donogo M.M. Nazhmuddin Gotsinskiy i obshchestvenno-politicheskaya bor'ba v Dagestane v pervoy chet-verti XX veka [Nazhmuddin Gotsinsky and the Socio-Political Struggle in Dagestan in the First Quarter of the Twentieth Century]. Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Historical Sciences. Moscow, 2008. 48 p. (in Russ).
 18. Nakhibashev M.Z. Uzun-Khadzhi Saltinskiy – obshchestvenno-politicheskiy i religioznyy deyatel' Dagestana i Chechni [Uzun-Khadzhi Saltinsky – socio-political and religious figure of Dagestan and Chechnya]. Abstract of the candidate's dissertation. Cand. of History. Makhachkala, 26 p. (in Russ).
 19. Tuae A.Yu., Krasnokutskaya L.I. Gorskaya ASSR kak poisk resheniya natsional'no-gosudarstvennykh problem v RSFSR (1921-1924) [Mountain ASSR as a search for solutions to national-state problems in the RSFSR (1921-1924)]. Current problems of humanitarian knowledge: past and present. M., 2023. pp. 30-31. (in Russ).
 20. Dzidzoev V.D. Ot Soza ob"yedinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana do Gorskoy ASSR (1917-1924 gg.). [From Soz of the united highland-

- ers of the North Caucasus and Dagestan to the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic (1917-1924)]. Vladikavkaz, 2003. 210 p. (in Russ).
21. Babich I.L., Gladkova T.L., Mnukhin L.A. Severokavkaztsy v emigratsii v XX veke [North Caucasians in emigration in the twentieth century]. Moscow-Berlin, 2020. 297 p. (in Russ).
22. Babich I.L. . Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii. [Ethnopolitical situation in Kabardino-Balkaria]. Moscow, 1993. Vol. 45. 20 p. (in Russ).
23. Rubaev A.V., Nikonov O.A. Evolyutsiya politicheskikh elit v stranakh Zakavkaz'ya: istoriko politiche-skiy aspekt. K voprosu o putyakh formirovaniya, rekrutirovaniya i funktsionirovaniya politicheskikh elit v Armenii, Azerbaydzhane i Gruzii [Evolution of political elites in the countries of Transcaucasia: historical and political aspect. On the issue of the ways of formation, recruitment and functioning of political elites in Armenia, Azerbaijan and Georgia] Free Thought. 2026. no. 1 (1715). pp. 79-85. (in Russ).

Информация об авторе: Ирина Леонидовна Бабич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>
Babi7chi@yandex.ru,

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author: Irina L. Babich, Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
<https://orcid.org/0000-0003-1879-1608>
Babi7chi@yandex.ru,

The author read and approved the final version of the manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 11.03.2026

Статья принята после рецензирования и доработки / The article was accepted after peer review and revision: 22.04.2026

Публикация статьи в томе 18, выпуске № 1- 2 запланирована на / The article is scheduled for publication in Volume 18, Issue 1-2: 28.04.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов/ The author declares no conflicts of interests